

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ОБ УСТРОЙСТВЕ ЭТОГО МИРА?

18+

СЕРГЕЙ МЕЛВЕЛЕВ

Что вы думаете об убийствах водителей
шестьдесят седьмого автобуса?

Сергей Артурович Медведев
Что мы знаем об
устройстве этого мира?
Серия «Азбука. Голоса»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74014877
Что мы знаем об устройстве этого мира?: СПб; 2026
ISBN 978-5-389-33171-6*

Аннотация

Декабрь 1984 года. Подслушав разговор соседей за стеной, Наташа Новикова решила устроиться водителем троллейбуса. Зарплата была заманчивой, а сотрудники депо выглядели как одна большая семья. Попав на день рождения коллеги, Наташа узнала тайну, от которой всякого прошиб бы холодный пот. Между водителями троллейбусов и водителями автобусов издавна существует вражда, и первые не без удовольствия время от времени приносят вторых в жертву. Свидетельницей такого жертвоприношения и стала Наташа в тот злополучный вечер. Установить истинный масштаб преступлений и раскрыть сеть заговоров и подкупов предстояло принципиальному капитану Николаю Филимонову, приехавшему с этой целью из Москвы. Смогут ли главные герои выстоять в борьбе с мировым злом, воплотившимся в секте водителей троллейбусов? И чего им это будет стоить?

Содержание

Часть 1	5
1. Наташа Новикова ищет работу. Декабрь 1984-го	5
2. Наташа встречается соседку Нину	11
3. Наташа устраивается на работу	16
4. В гостях у подруги	23
5. Люся Полякова и катальщик Алексей	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Медведев

Что мы знаем об устройстве этого мира?

© С. А. Медведев, 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть 1

1. Наташа Новикова ищет работу. Декабрь 1984-го

К идее устроиться в трамвайно-троллейбусное управление Наташу Новикову подтолкнули нужда и случайно подслушанный разговор соседей справа. Был холодный декабрьский вечер в преддверии Нового года. В такие вечера человека часто охватывает отчаяние, хочется надежды, денег и тепла. Наташа заглянула в холодильник, увидела банку кильки и маленький кусочек домашнего сала, остаток большого куска, который ей еще в ноябре подарила на тридцатилетие мать. Подарила со словами:

– Будет плохо – вспомнишь обо мне! А поздно уже будет.

Новикова вспомнила о матери и захлопнула дверцу холодильника. Ей показалось, что холод и тоска выползли из белого ящика и заполнили собой всю комнату.

Наташа жила с бездетной сорокалетней тетей, которая говорила, что племянница – единственное существо в этом мире, которое вызывает в ней жалость. В известных пределах, конечно: у тети был свой холодильник, закрывавшийся на ключ. На ключ закрывалась и комната, в которой она жила.

Тетя, по ее словам, работала проводницей в поезде Ростов-на-Дону – Саратов. Дома бывала редко, порой она не появлялась целый месяц. Если Наташа интересовалась, что случилось, тетя объясняла, что из-за эпидемии холеры состав задержали в Саратове. Или что ее вагон по ошибке отцепили в Мичуринске и отправили на Дальний Восток.

– Ты представляешь, Наташка! На Дальнем Востоке много корейской косметики, – говорила тетя, вручая племяннице подарок. – Мазь из секрета улитки.

* * *

Однажды Наташа попыталась найти поезд Ростов-на-Дону – Саратов в расписании, но его там не было. В справочном бюро предупредили, что поезд ходит очень редко, да и то только в виде прицепного вагона. На ближайший рейс остался лишь один билет.

– Можем продать, – уведомили в справочной. Наташа ответила, что у нее уже есть.

В общем, в холодный декабрьский вечер Наташа решила, что она должна найти хорошую работу. Точнее, интенсифицировать ее поиски. До этого Наташа пробовала себя в качестве медсестры и натурщицы. Обе работы ей не подошли: оказалось, что она боится крови и стесняется раздеваться перед мужчинами.

Потом выяснилось, что Наташа стесняется продавать ово-

щи, проездные и лотерейные билеты, а также газеты и журналы.

Все эти занятия казались ей нечестными, будто там приходилось обманывать людей. Новикова не желала никого обманывать. Ей даже хотелось, чтобы в ее работе было место маленькому подвигу, впрочем неопасному для жизни.

Наташина подруга Света работала страховым агентом. Она говорила: «Иди к нам, платят неплохо, но работа опасная. Потому что желающие застраховать свою жизнь от несчастного случая живут в основном не в освещенном центре города, а на темных и глухих окраинах и на садовых участках, куда и транспорт ходит только в светлое время суток».

Но оказалось, что страховым агентам надо было давать подписку о неразглашении гостайны. По крайней мере, так сказала Света. А Наташа мечтала побывать в Болгарии.

И вот в холодный декабрьский вечер Наташа услышала глухой удар в стену, а затем крики. Соседи громко ругались, и она слышала, как женский голос зло, громко и очень высоко кричал: «Александр, чтоб ты сдох, ты зарабатываешь меньше меня, и еще спрашиваешь, почему я поздно прихожу! Мне сорок лет, я работаю с пяти утра до полуночи, и мне платят двести пятьдесят рублей. И я приползаю домой на четвереньках, потому что меня ноги не держат и я не в силах подняться на четвертый этаж. А ты получаешь всего сто тридцать грязными!»

Новикова представила, как смертельно уставшая соседка заходит в подъезд, бессильно падает на четвереньки и, грозно рыча, ползет по лестнице. Потому что нет сил, они покинули ее прямо у входа в подъезд. Ярость выступает на ее щеках красными пятнами, она готова убить Александра, который получает сто тридцать рублей грязными и не стремится к большему.

Александр что-то отвечал, но неразборчиво: «Бум-бум-бум-бу, бу-бу, бу-бу-бу, бам! Я инженер, я думаю. Не грязными, а чистыми. На четвереньках! Врешь! Проклятая Нинка. Бубу-бу-бу».

Наташа приложила ухо к стене. И отшатнулась – Нинка сказала громко и разборчиво: «Да ты убить никого не сможешь, если понадобится!»

«Вот это соседи, – подумала Наташа. – Убить не сможешь!»

Так Наташа узнала, что соседку зовут Нинкой, ей сорок лет и она недовольна мужем. Но получает двести пятьдесят рублей. А муж всего сто тридцать. И, судя по всему, Нина сможет убить. Иначе зачем разбрасываться такими страшными словами.

Наташа понятия не имела, как выглядит соседка. Что там соседка – Новикова не представляла, как выглядят жители

ее собственного четвертого подъезда, не знала, что за люди живут в соседних – пятом или третьем. Они казались ей лишенными индивидуальности. Может быть, некоторые из них имели хвосты, шерсть или три глаза.

Это было какое-то принципиальное незнание: потому что она не такая, как они. «Хватит с меня, что я слышу звуки, которые они издают», – размышляла Наташа.

Новиковой была нужна новая высокооплачиваемая работа, потому что неделю назад ее уволили с «Электроаппарата», где она работала секретаршей у главного технолога. В отделе кадров сообщили, что она относится к старшим без уважения и в целом слишком гордая. «Это потому, что у меня красивые длинные ноги и я не обращаю внимания на пожилого главного технолога Петрова, – решила для себя девушка. – И главное – я не похожа на них».

Наташа была родом из Сальска. Ее первый брак, закончившийся год назад, продлился шесть месяцев. Муж зарабатывал все те же сто тридцать рублей и ни к чему не стремился.

Наташа, напротив, все время к чему-нибудь стремилась. В школе Новикова хотела быть секретарем комсомольской организации, а однажды была вожатой в пионерском лагере. Ей нравилось командовать, но не нравилось подчиняться – она не понимала, что это вещи взаимосвязанные.

Наташа хотела, чтобы технолог не тянул свои руки к ее коленям, чтобы натурщицы без своего желания не снимали

труссы, а медсестры не брали взятки.

Мать Наташи говорила: «Это потому, что ты еще молодая, не поняла, что страдать тоже приятно». Еще мать Наташи, ушедшая на пенсию старшим контролером ОТК, часто говорила дочери: «Всегда бей слабого, но уступай сильному».

Наташу бесила эта фраза из-за невозможности ее реализации на практике – мудрость не учитывает динамику в человеческих отношениях: сегодня ты слабый, завтра – сильный, потом опять слабый, а потом просто запутался в определении своего состояния.

Взять тот же «Электроаппарат». Тридцатилетняя Наташа относилась к шестидесятилетнему главному технологу как к слабому, а он был еще сильным, потому что знал какие-то тайны из жизни завода.

Кстати. Через неделю уволили и самого технолога, потому что на место Наташи взяли дочь директора завода, которой зачем-то оно понадобилось. Технолог положил руку на коленку новой секретарше, и его уволили, потому что он буквально за пару дней незаметно для себя стал слабым, а его об этом не предупредили.

2. Наташа встречает соседку Нину

Около полуночи девушка вышла из подъезда. Было холодно, минус два, дул сильный ветер, но снега не было. В соседние подъезды иногда заходили невзрачные мужчины в шапках-ушанках и темных пальто. Так Наташа себе и представляла среднестатистического жильца пятого и третьего подъездов. Шапки-ушанки Наташа ненавидела: ей казалось, что будущее за бейсболками, кроссовками и вязаными шапками, а ушанки – атрибут предыдущего устаревшего поколения.

В тот вечер на Наташе была бежевая вязаная шапка, а еще она накрашила губы. Ей казалось, что яркие губы и шапка определяют ее стиль: молодая, независимая, спортивная.

В четверть первого у пятого подъезда появилась женщина плотного телосложения. Она была одета в дубленку и норковую шапку, поверх которой был повязан красный мохеровый платок, а на ногах у нее были темно-фиолетовые сапоги-чулки. Женщина шла, почти не сгибая ног, покачиваясь из стороны в сторону. Казалось, что ее гонит ветер.

– Вы Нина? – спросила Наташа у женщины.

Женщина остановилась, раздумывая над ответом.

– Деточка, а ты Галя, жена покойного Димы? – спросила наконец женщина. Спросила с жалостью, но не оборачиваясь. – Я ни в чем не виновата. Было скользко, а там прямо ледяная воронка. Он катился мне под колеса, а я не могла

затормозить. Сходи в церковь!

– Я вас ни в чем не виню, я живу в соседнем подъезде. Я – Наташа. Можно у вас кое-что спросить?

Оказалось, что Нина работает в трамвайно-троллейбусном управлении. Действительно, получает двести пятьдесят рублей. Недавно она задавила некоего Диму, почти коллегу, водителя шестьдесят седьмого автобуса, и теперь жена Димы как сумасшедшая преследует Нину, хотя милиция доказала, что это был несчастный случай.

Женщина сразу перешла на «ты».

– Деточка, так ты соседка? Мы с мужем громко разговариваем? – Нина засмеялась. – Это потому, что я целый день остановки объявляю. Микрофон не всегда работает, надо всех перекричать.

Нина прямо на улице показала, как она кричит:

– Гаражная, Металлургическая, Социалистическая, Инструментальная, Второй тупик. Такое профессиональное заболевание, не могу тихо разговаривать. А голос у меня высокий, далеко слышно. Я как сирена. Если что, стучи к нам в стену шваброй, не стесняйся. – Нина улыбнулась. – Хочешь работать у нас? Пожалуйста! Людей не хватает. Для начала простейший вопрос: крови не боишься?

Наташа задумалась: боится ли она крови?

– Не знаю, – призналась девушка и облизала губы. Она всегда так делала, когда не знала, что сказать.

– Кровь – это просто краска, не надо ее бояться, – посо-

ветовала Нина – Красный – значит красивый. Ну да ладно, привыкнешь. Я тоже раньше в обморок падала, когда отец курам головы рубил.

– А мы всегда без голов покупали, у нас не было подсобного хозяйства, – призналась Наташа. – Но я научусь. Как вы думаете, я справлюсь? – спросила она.

Нина внимательно посмотрела ей в глаза, будто пытаясь разглядеть какие-то – самой Наташе неизвестные – болезни и недостатки. Увидела яркие губы девушки, вязаную шапочку, аборт и неустроенную личную жизнь.

– В детстве каталась на электрических машинках? – спросила Нина. – Аттракцион «Автодром» знаешь?

– Каталась. Знаю.

– Ну тогда и учить тебя не надо... Садись и рули. Ногой сильнее жмешь на педаль – быстрее едешь. Там еще есть кнопки – двери открывают, есть руль, его надо крутить. Есть кнопка звукового сигнала. Едешь и библикаешь. Главное, никого не задавить, ну или задавить так, чтобы никто не видел. – Нина засмеялась. – А увидит кто, тоже не страшно. – Она засмеялась еще громче. – У каждого в работе случаются ошибки. Кто-то пуговицу на пиджаке забудет пришить, кто-то забор не в тот цвет покрасит. У меня стоматолог правый клык по ошибке вырвал – не мой рентген ему подсунули. Потом по городу от меня бегал, пока под троллейбус не попал.

Нина смеялась непрерывно, во весь голос, широко раскрыв рот, – правого клыка действительно не было.

– Приходи на следующей неделе в отдел кадров депо, скажешь, что от меня, от Нины-хохотушки, так меня называют. Запоминай адрес. Улица Третьего Интернационала, четыре. Сразу скажу, начальство у нас непростое, с причудами. Начальница! Анна Демидова! Непростая женщина, своенравная! Надо понимать: троллейбусы – это особый мир, и люди там работают особенные. Наверное, по-другому и нельзя. В общем, ничему не удивляйся. Потом все поймешь, девка. Если, конечно, сможешь и захочешь.

Наташе не понравилось, что ее называли девкой, но она не подала виду и даже улыбнулась.

Между тем Нина продолжала:

– Последний вопрос: парень у тебя есть?

– Нет. Умер, и мы расстались, – вздохнула Наташа, ей хотелось казаться старше и опытнее. Ей показалось, что если сказать, что парень умер, то ее скорее возьмут на работу. Когда Наташа устраивалась на «Электроаппарат», сказала, что сирота. Ее сразу взяли на работу, но пожилой главный технолог стал называть ее дочкой.

– Это хорошо, что расстались, это лучше, чем жить с живым трупом, – засмеялась Нина. – Как я, например. У меня муж – живой труп. Веришь?

* * *

Придя домой, Наташа долго не могла заснуть. Соседи сно-

ва ругались и громко кричали. Мужской голос опять бормотал непонятное. Новикова разобрала: «Я целился в него, но стрела попала в дерево».

Стучать в стену Новикова не решилась – Нина была теперь кем-то вроде подруги.

Чтобы не слышать крики, Наташа встала с кровати и постелила себе в туалетной комнате, прямо в ванне. Было неудобно, пришлось лечь с подогнутыми ногами. Из лейки душа капала вода, и Наташа положила ее на пол, потом забыла, а утром наступила в лужу, поскользнулась и чуть не упала.

В жизни Наташи начался новый этап.

3. Наташа устраивается на работу

Устраиваться на работу Наташа пошла в бежевой вязаной шапочке, джинсах и кроссовках местного производства. Сначала она надела платок как у Нинки, посмотрела на себя в зеркало. Перед ней стояла женщина лет сорока, очень похожая на соседку. Тогда Наташа оставила только шапочку. Сверху Новикова надела темно-синее драповое пальто с серым меховым воротником. Пальто Наташе отдала мать, чтобы она ходила в нем на субботники или выносила мусор.

У Наташи была и почти новая югославская светло-зеленая стеганая куртка, но в ней идти в трамвайно-троллейбусное управление было неловко. В куртке Наташа ходила на «Электроаппарат» и в кино – четыре раза с Сашей, который хотел жениться на ней, по ошибке приняв за студентку мехмата.

* * *

Трамвайно-троллейбусное управление от остального города отделял пятиметровый кирпичный забор. В заборе была дверь. Над ней висела табличка «Троллейбусное управление».

За забором располагались гигантский ангар и отдельно стоящий одноэтажный кирпичный дом с плоской крышей и

тремя узкими, но длинными окнами, типа бойниц. Между забором, домом и десятком троллейбусов маршировали два отряда молодых женщин, каждый по восемь человек. Ими руководили женщины постарше. Они командовали:

– Направо, налево, кругом. Шагом марш.

Наконец одна из командирш обратила внимание на Наташу:

– Вы к кому, девушка?

– Мне в отдел кадров, – объяснила Новикова.

– Тогда вам сначала надо получить пропуск. Идите в то здание, это управление. – Командирша показала на отдельно стоящий дом. – А потом с пропуском идите в ангар, там в глубине и будет отдел кадров. Работать хотите у нас?

– Хочу.

– Это хорошо, нам нужны молодые кадры! – сказала женщина и крикнула: – Отряд! На первый-второй рассчитайся!

* * *

На стенах в управлении висели черно-белые фотографии троллейбусов на фоне египетских пирамид, на фоне римского Колизея, просто посреди степи в окружении динозавров. При этом фотографии выглядели так достоверно, будто они действительно были сделаны во времена строительства пирамид и Колизея.

Другие фотографии изображали известных людей за ру-

лем троллейбуса. Новикова узнала Карла Маркса, Махатму Ганди, Чарли Чаплина, Пушкина и Александра Блока. Если это и был монтаж, то очень умелый. Александр Блок был в кожаной летчицкой кепке и перчатках.

«Наверное, действительно нужны люди, раз такая наглядная агитация», – подумала Наташа.

* * *

Наташа, как и советовала Нина, ничему не удивилась. Не удивилась Новикова и сложенным вдоль длинной стены гробам. Гробы были затянуты черной материей, на них были нарисованные мелом цифры: 10, 11, и так далее до пятнадцати. На гроб номер тринадцать была наклеена половина ватмана с надписью «Не трогать».

Один гроб стоял отдельно от остальных, на нем сидели две женщины в фуфайках. Они играли в домино. Проходя мимо, Новикова спросила:

– Извините, ради бога. Где здесь можно получить пропуск?

– У меня, – сказала одна из них, прекратив играть. Она достала из кармана фуфайки смятый лист бумаги, расписалась на нем и отдала Наташе. – Но сам отдел кадров дальше, это комната отдыха. В конце коридора стальная дверь, толкните ее, она не заперта.

В конце коридора действительно была дверь. Толкнув ее,

Новикова сразу оказалась перед входом в ангар. В таких больших помещениях Наташа никогда не бывала. Сравнить с ним можно было только дворец спорта, если убрать трибуны и вестибюль. Наташе показалось, что высота ангара не меньше двадцати метров. Присмотревшись, Новикова увидела, что потолок украшен изображениями звезд, Луны, Солнца, дирижаблей, а также самолетов неизвестных ей конструкций.

Ангар был заставлен сломанными троллейбусами и ящиками с запчастями. Между троллейбусами росли небольшие деревья, как на брошенных стройках. Наташа не смогла определить названия всех деревьев. Узнала катальпу и дикие бананы.

Над троллейбусами и ящиками раскинулась паутина контактных проводов.

Температура в помещении не превышала пяти градусов – изо рта шел пар.

К Наташе подбежала женщина в сапогах и форме, напоминающей военную, но без погон.

– Вы от кого? – спросила женщина.

– Я от Нины-хохотушки. Мне в отдел кадров.

– Это вам надо до самого упора. Вот идите по указателю. – Она показала пальцем вниз на стрелку с надписью «В отдел кадров».

Пол в помещении напоминал разрисованный детьми асфальт. Каракули по задумке автора и в соответствии с ука-

зателями должны были привести путника к отделу кадров, в санчасть, на электрораспределительную станцию, в отдел запчастей или в красный уголок. Какой-то шутник установил указатель «В морг».

Кроме табличек, были лозунги. По всей видимости, они использовались первого мая и седьмого ноября. На огромных картонных плакатах можно было прочесть: «За электротранспортом будущее», «Депо № 1».

– Вот, возьмите нитку, чтобы не потеряться. – Женщина в форме протянула Наташе бобину белых швейных ниток. – Найдите вход в лабиринт с указанием «В отдел кадров» и ступайте. Нитку привяжите к гвоздю на входе в лабиринт. Чтобы в случае чего найти дорогу назад.

Наташа взяла нитки, и женщина добавила:

– Вот некоторые говорят, почему не убрать сломанную технику и ходить напрямик. Но так мы потеряем ритуал, через который проходят все будущие водители троллейбусов. Пусть водители автобусов ходят напрямую или вообще как хотят, а мы должны соблюдать указанный свыше маршрут. Даже по пути в отдел кадров.

Через десять минут Наташа подошла к двери с надписью «Отдел кадров». Постучала.

Дверь открылась сама, и она увидела женщину в спортивном трико, сидящую в кресле, напоминающем электрический стул, каким его показывают в американских фильмах.

Женщина читала газету и время от времени покачивала

головой, мол, какие ужасы пишут в этих ваших газетах и зачем только она их читает.

– Как зовут? – Она прервалась и строго посмотрела на Наташу.

– Новикова.

– А голос у тебя громкий, Новикова? Сможешь названия остановок без микрофона объявлять? Микрофоны часто ломаются, – спросила женщина.

– Громкий! Я в хоре пела, – доложила Наташа, которая действительно занималась музыкой в девятом классе, потому что хотела поступать в музыкальное училище, но мать сказала: «Не надо».

– Проверим! Скажи громко: «Следующая остановка – конечная». А я уши заткну!

– Следующая остановка – конечная, – закричала Новикова.

– Надо громче, – отчеканила женщина и сделала пометку. – Ничего, научишься. Кошек, собак держишь?

– Нет.

– Это хорошо. Водители троллейбуса не должны иметь домашних животных. Рыбок можно, они по дорогам не бегают. А к собакам и кошкам человек привыкает и не хочет давить. Давить надо, а он не хочет. А без этого в нашей профессии – тупик. Меня, кстати, Элеонорой Владимировной зовут. Можешь обращаться ко мне по имени-отчеству.

Элеонора Владимировна полистала какие-то свои записи,

спросила:

– Муж водителем автобуса часом не работает?

– Нет. Я не замужем.

– Это хорошо.

Элеонора Владимировна замолчала, думая, о чем бы еще спросить Новикову.

– Думаю, что с Люсей сработаешься. Сядешь на сто сорок четвертый. Пойди сейчас в красный уголок, найди Софу, попроси у нее хороший ватник и сапоги. А то замерзнешь на сто сорок четвертом, там печка сломалась.

– Что такое сто сорок четвертый? – спросила Наташа.

– Бортовой номер троллейбуса, – объяснила Элеонора. – Приходи завтра в полночь к троллейбусному депо. Познакомитесь с напарницей.

– Почему в полночь?

– У Люси смена закончится.

– Как я ее узнаю?

– Запомни фотографию. – Элеонора достала из папки изображение куклы-пупса.

– Это она? – удивилась Наташа.

– Нет, но очень похожа, – рассмеялась Элеонора. – Чтобы ты не думала, что мы в РГТУ такие угрюмые.

4. В гостях у подруги

После депо Наташа зашла к Свете Мироновой.

Света была единственной подругой Наташи. Однажды Новикова даже позвала Миронову к себе на день рождения. Наташа приготовила курицу на бутылке, но приятельница не пришла. Тем не менее дружить девушки не перестали.

Света жила в панельной девятиэтажке вместе с матерью и отцом. У девушки была отдельная комната, украшенная картой Советского Союза и периодической таблицей Менделеева – когда-то Света хотела стать химиком.

В девятиэтажке была плохая звукоизоляция, потому Света и ее гости всегда говорили тихо. Боялись, что услышат родители или соседи.

Родители при гостях тоже сидели молча. Они подслушивали, пытаясь узнать что-то новое из жизни тридцатипятилетней незамужней дочери.

Света сразу же успокоила Наташу:

– Это в порядке вещей, подруга! Подумаешь, лабиринты и гробы. Сейчас все увлекаются эзотерикой и фэншуйем. Ты думаешь, меня просто так взяли в Госстрах? – Светка говорила негромко, но очень быстро и не делая пауз. – Сначала меня заставили пройти через комнату ужасов. Между скелетов шла и в гроб ложилась, это обряд. Но, если честно, я знала, чего ждать: у нас тетя устраивалась в Госстрах, ей кто-то

наболтал, что там на пенсию уходят на пять лет раньше. Тетя все равно умерла от разрыва сердца в пятьдесят лет, но это никак не связано с Госстрахом. Инфаркт.

После слова «инфаркт» появилась мать Светки и сказала:

– Не инфаркт, а инсульт.

– Мама, идите к себе! – попросила Света, всегда говорившая родителям «вы». Миронова замахала руками, и мать, как показалось Наташе, растворилась в воздухе.

– Но это я уже тебе лишнее выкладываю, – продолжила Светка. – Ты говоришь лабиринт. А можно про него рассказывать? Подписку о неразглашении не брали?

– Нет, – ответила подавленная натиском подруги Наташа.

– Странно. Сейчас даже в столовой берут расписки.

– Почему?

– Ну как, ты не понимаешь, что ли. В столовой опасная работа. Можно отравиться. Или заболеть ожирением. Поваров очень неохотно страхуют от несчастного случая. Как и электриков. Не знала?

– Нет.

– Да ты что! Конечно неохотно. Опасные работы. Но это между нами, я же подписку давала. Сейчас из всего делают секреты!

– Я ничего не давала, – повторила Наташа.

– А испытательный срок тебе установили?

– Установили, но сказали, что я сама догадаюсь, когда его пройду.

5. Люся Полякова и катальщик Алексей

На следующий день ровно в полночь к депо подъехал троллейбус с бортовым номером сто сорок четыре. Внутри троллейбуса сверкали огни – были включены все лампы, играл вальс Евгения Доги. За рулем сидела женщина, похожая на пупса, в вязаной синей повязке на голове – в такой Джейн Фонда вела аэробику. Наташа догадалась: это Люся Полякова.

Открылась передняя дверь, и из троллейбуса вышел мужчина средних лет небольшого роста, в клетчатом пальто и кожаной шапке-ушанке. Он подал Люсе руку. Она медленно, оглядываясь по сторонам, будто позируя невидимым фотографам, спустилась на землю.

Мужчину, как потом узнала Наташа, звали Алексеем Алексеевичем, он был поклонником Поляковой. Поклонник сопровождал Люсю в ночных рейсах и потом провожал домой. Такие были почти у каждой водительницы троллейбуса. Их называли катальщиками. Удивительно, но катальщики никогда не претендовали на тело водителя. Они любили платонически. Люся как-то показала Алексею свою грудь, но тот не проявил никакого интереса.

Откуда появлялись и куда исчезали катальщики, проводив своих дам, никто не знал. Никто не знал, чем они зани-

маются днем.

До Алексея у Люси был Александр. Но он однажды исчез, а вместо него пришел Алексей Алексеевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.